

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ РОССИИ ВО ФРАНЦИИ (XVII-XX вв.)

В. С. ШИЛОВ,
заведующий кафедрой всеобщей истории РАНХиГС,
д.и.н., профессор
(г. Москва, Россия)

Тема формирования российской государственности не может быть рассмотрена без взгляда на то, как Россия виделась со стороны. Наше видение внутренних процессов будет не совсем полным, если мы не будем учитывать мнение соседей. Францию к таким соседям, конечно, причислить довольно трудно, но тем не менее это в будущем будет наш близкий партнер.

Тема образа «другого» является одной из наиболее важных в исторической науке. Она существует уже давно. На Международном конгрессе исторических наук в 1975 году в Сан-Франциско это была большая тема, собравшая в зале около 2000 человек, обсуждавших самые различные сюжеты. Речь, конечно, там не шла об образе России во Франции, но сама проблематика, сам интерес к образу «другого» существует уже давно.

Он существует, на самом деле, не столько со времён конгресса в Сан-Франциско, сколько уже в эпоху «до нашей эры». Известный врач Гиппократ, греческий специалист в одной из важных сфер человеческой деятельности, тем не менее пытался осмыслить, что же такое «другой». И для него в первом приближении была возможность познакомиться с образом Персии. Напомню, что Гиппократ жил в конце V – начале IV века до нашей эры. И применительно к образу «другого» использовал Персидскую империю. Он разделил людей древности на европейцев и азиатов. Говоря о свойствах европейцев, он замечал, что это люди воинственные, агрессивные, любящие свободу, готовые ради этого жертвовать многим, даже жизнью. Азиаты же, с точки зрения Гиппократа, люди образованные, мудрые, спокойные и даже апатичные, любящие спокойствие и умеренную жизнь и готовые ради этой умеренной жизни идти даже на ущемление собственной свободы.

С тех пор этот антагонизм между европейцами и азиатами будет существовать долго.

Он и сегодня еще существует, хотя его образ сильно меняется. Я привожу примеры, связанные с Гиппократом, потому, что это тесным образом связано и с темой моего выступления. Надо сказать, что отношения между Россией и Францией не всегда были такими, какими мы их знаем сегодня.

Наши государства сейчас часто сотрудничают по самым важным международным сюжетам. Достаточно вспомнить совместное выступление России, Германии и Франции против американского вторжения в Ирак. Это выступления и действия, которые раньше невозможно даже было представить. Т.е. жизнь меняется. Но для того чтобы она изменилась, потребовалось очень много времени.

Напомню, что первые контакты между Россией и Францией произошли примерно в середине XI века, в 1051 году, когда дочь Ярослава Мудрого Анна (первая грамотная королева Франции) была выдана замуж за французского короля Генриха I. Этот факт оказался случайным, и после этого на 500 лет контакты между, в общем-то, ведущими странами европейского континента будут прерваны. Они начнутся только в середине XVII в., и то очень робко, с некоторого интереса французов к России. Этот интерес был не очень прочным и довольно эфемерным. Россия во мнении французов в то время предстояла огромной восточной деспотической страной, теряющейся в огромных пространствах. Народ представлял некой массой, о которой у французов не было никакого четкого представления. В основном внимание привлекал тот факт, что это была империя царей.

Положение начинает сильно меняться, когда к власти в России приходит Петр I. Петр I, как нам хорошо известно, был крупным реформатором. И эти реформы были замечены и во Франции тоже. Надо сказать, что Россия даже в лице Петра и петровского правительства не очень стремилась к сотрудничеству с Францией. Пред-

ставитель военно-морского ведомства Франции в Петербурге в начале XVIII века посылал многочисленные послания в свое министерство с требованием начать контакты с петровской Россией, потому что Франция отстает от соседей. Реформы Петра Великого начинают особенно показывать себя с того момента, как началась Северная война и Петр I начал одерживать победы.

С этого момента интерес французов к России начинает оживляться, потому что они поняли, что здесь таится военная угроза. Если в XVII в. Россия не представляла интереса как военная держава, то с возвышением России в эпоху Петра интерес к нашей стране у французов начинает возрастать тем больше, чем активнее Петр I проводил свои реформы. Во Франции возникает состояние, которое один из французских исследователей назвал «русский мираж» – что-то неопределенное, но довольно положительное. Этому миру способствовала деятельность Вольтера. Он был восхищен деятельностью Петра, его реформами, считал, что Петр смог этими реформами силой извлечь Россию из того варварства и безграмотности, в которой она находилась. И ввести ее в семью европейских народов.

Надо сказать, что образ «русского миража» во Франции просуществовал примерно 40 лет. Т.е. даже после смерти Петра этот образ сохранялся. Он еще был усилен тем фактом, что Петр смог поехать в Париж, произвел там хорошее впечатление, выражал восхищение Францией. И потребуются много десятилетий, чтобы этот «русский мираж» начал рассеиваться. В эпоху Елизаветы Петровны этот интерес уже был направлен на то, чтобы максимально повлиять на деятельность русского двора, русских царей, в данном случае императрицы. Некто маркиз де-ла Шетарди, известный нам по фильму «Гардемарины», персонаж реальный и действительно достигший многого в приближении к русскому двору, оказался близким к деятельности Елизаветы Петровны и даже способствовал ее восшествию на престол. Якобы выражал восхищение Россией. Затем, через некоторое время он, вернувшись во Францию, написал несколько писем, в которых очень нелестно отзывался о русской императрице.

Поэтому в последующие годы французское министерство иностранных дел давало инструкции своим послам вести более гибкую политику и действовать не только приближаясь к императорам, но и не забывать о том, что русские чиновники любят взятки. В инструкции к маркизу де-ла Боссе прямо утверждалось, что продажность живет в сердцах всех русских людей. Есть

сборник инструкций послам, действующим в России. Они пронизаны реальным отношением Франции к России.

Нужно иметь в виду, когда я говорю о политической стороне, что политика способствует формированию образа. Но не только она. Существует еще такое понятие как культура. Но французы о русской культуре знали очень мало. Язык. Не было возможности общаться, не было переводной литературы. Ситуация начнет меняться только в начале XIX века.

Но перед этим надо сказать еще об одном важном периоде в развитии образа России во Франции – это период с 1790 по 1830 год. Этот период характерен тем, что Франция в эпоху затянувшейся революции совершенно забывает о России, ей до России никакого дела нет. А Россия молчит – и пресса, и мемуары, и публицистика в виде различных писем. Начиная только с конца 90-х гг. начинают происходить процессы, которые показывают опасение роста военной мощи. Это было связано и с успехом русского военачальника Суворова, который вел победоносные военные действия в Италии. Французы здесь ощутили большую военную угрозу, потому что Суворов громил лучших французских маршалов.

Хочу сказать большое спасибо Рудольфу Германовичу, который мне напомнил о том, что существует еще такое понятие, как «завещание» Петра Великого. Вот это «завещание» Петра начинало формироваться в недрах польской интеллигенции. Некий редактор написал секретные записки, в которых он изображал мнение Петра о том, какая должна быть русская внешняя политика. Наполеон в момент вторжения в Россию активно использовал эту идею. Это завещание создает у русского человека довольно тяжелое ощущение, что Россия только спит и видит, как бы разгромить, захватить Босфор и Дарданеллы и разгромить Польшу, и захватить Европу. Т.е. некий чудовищный совершенно образ, и можно понять Наполеона, когда он пытался взбодрить своих солдат.

События 1812–1814 гг. начинают способствовать отрезвлению французов. К тому же часть из них тем или иным образом остаются в России. Начинают лучше ее понимать, изучают язык. Образ России становится более реальным. Надо сказать, что французы в отличие от Петра очень негативно оценивали царствие Екатерины II. Сказать негативно – это почти ничего не сказать. Они очень скоро поняли, что в отличие от Елизаветы Петровны с Екатериной II шутки плохи. Они поняли, что она человек довольно гибкий, и в инструкции послам говорилось, что она настроена внешне лояльно по отношению

к европейцам, чтобы успокоить их, с последующей целью манипулировать ими по своему желанию.

В начале XIX века мы видим уже некую смену декораций в том плане, что на арену выходит некто под фамилией маркиз де Кюстин. Роль его в формировании образа России исключительно велика. И велика она в негативном плане. Николай I, который душевно отнесся к визиту маркиза де Кюстина в 1839 г., рассчитывал на то, что маркиз – выходец из семьи французских аристократов, внук и сын казненных революционеров, французских генералов, встанет полностью на сторону той империи, которая является оплотом аристократии, монаршей власти. Однако то, что Кюстин увидел, и то, как он все это описал, стало шоком для русского двора. Россия предстала страной с азиатской деспотией, с невежественным народом, страной, погрязшей в рабстве.

Это был серьезный и окончательный удар по тому образу русского миража, который был сформирован еще в эпоху Петра I. Понадобится немало времени, и, главным образом, в первой половине XIX в., чтобы поколебать это впечатление, созданное Кюстином. Он написал книгу, которая стала бестселлером не только во Франции, но и в Европе. Буквально в первые же годы она переиздавалась девять раз. Могу вам сказать, что книга Кюстина была единственной из книг России, которая стояла на полке де Голля. Но Кюстин не смог остановить процесс развития двухсторонних отношений.

Помимо того, что Франция видела Россию агрессивной страной, она прекрасно понимала, что эта страна обладает серьезной военной мощью и может быть очень ценным союзником в борьбе за интересы Франции. С момента объединения Германии в 1870–1871 гг., когда на европейской сцене появился соперник, который заставил Францию буквально дрожать, с этого момента французы будут мечтать о том, чтобы отомстить немцам за проигранную франко-прусскую войну. Для французов Россия становится едва ли не светочем в этом темном углу, куда ее загнала Германия. С этого момента отношения России и Франции начинают успешно развиваться.

Этому способствует огромное количество публикаций, пьес, различных романов, связан-

ных с Россией. Достаточно сказать, что в первой половине XIX века во Франции вышло 53 пьесы, которые так или иначе посвящены России. В них действовали цари, аристократы, высшая знать. Появились романы, в которых действовали русские люди. Большую роль в формировании нового образа России во Франции сыграл перевод истории России Карамзина на многие европейские языки, в том числе на французский. Французы наконец-то смогли в реалиях увидеть то, как русские видят свою историю. Можно сказать также, что в этот период французская эмиграция, которая во множестве находилась в России, также способствовала формированию образа.

Образ – это нечто эфемерное и вечно меняющееся. Это очень сложное явление, которое не всегда связано с политикой. Но, применительно к отношениям России и Франции, на первом месте была политика, затем верх стали приобретать культурные связи двух народов. Только через много лет французы смогут убедиться, что имеют дело не со страной, которая копирует европейские модели, а со страной, в которой живут люди с оригинальной культурой, часто очень умные, любящие Россию, патриоты. Здесь все с учетом того, что французы – народ довольно разноликий и единого мнения там нет, поэтому единый образ сформировать довольно трудно. Он часто ориентируется на позиции правительства.

XX век – это век, когда опять во Франции возникает чудовищный образ России, когда русский человек, советский человек рисуется на многочисленных плакатах в виде бородатого страшного мужика с кинжалом в зубах, с которого капает кровь. Во Франции, конечно, было немало людей, так называемых русофилов, которым противодействовали русофобы. Но такие группы существуют в каждой стране. Поэтому здесь ничего удивительного нет.

Начиная только с эпохи генерала де Голля отношения России и Франции становятся настолько стабильными, устойчивыми и долговременными, что сейчас сомневаться в том, что они будут и дальше, не приходится. Мне кажется, что мы наконец-то перешли в стадию устойчивого развития двусторонних российско-французских отношений.